

Анастасия БИГАР

ДОСТИГАТОРЫ

КАРЬЕРА ПО ЛЮБВИ

Анастасия Бигар

Достигаторы. Карьера по любви

«Автор»
2026

Бигар А.

Достигаторы. Карьера по любви / А. Бигар — «Автор», 2026

Веронику Беляеву называют тонким психологом. Она умеет разбирать чужие жизни на молекулы и собирать их заново. Пока однажды её собственная жизнь не рассыпалась на части: громкий скандал, газетная шумиха, судебные иски и отозванная лицензия.Владелец «Поливоля» предлагает ей сделку. Михаилу Вольскому нужен человек со стороны — тот, кто посмотрит на его корпорацию без прикрас и скажет то, о чем не расскажут свои. Вероника соглашается. Не потому, что верит в удачу. А потому, что выбора нет.Корпоративный мир встречает её своими собственными правилами. Здесь каждый шаг — многоходовая комбинация, любовь просчитывают как многомиллионные контракты, а улыбки стоят дороже денег. Вольский в этом мире как рыба в воде. И чем дольше Вероника наблюдает за ним, тем отчётливее понимает: он выбрал её не случайно.Впервые в жизни Вероника встречает достойного соперника — и это не корпорация. Это человек, который читает её так же хорошо, как она читает других. И в этой игре на кону не только карьера.

© Бигар А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
*** 8
Глава 2 12

Анастасия Бигар
Достигаторы. Карьера по любви

Глава 1

— Ты посмотри, какая красота, Егор. Сколько лет мы потратили, чтобы любоваться миром с высоты птичьего полёта?

Михаил Петрович Вольский стоял у большого панорамного окна на двадцать пятом этаже. Он не оборачивался — и так знал, что собеседник, расположившийся в кресле для посетителей, ловит каждое его слово. Он выдержал небольшую паузу и продолжил:

— А ты помнишь, как мы начинали? Нашу первую линию, которую установили чуть ли не в подворотне?

Посетитель в кресле прокашлялся и негромко заметил:

— В арендованном гараже, Миша. Это был гараж моего отца.

Невысокий грузный мужчина с трудом поднялся и встал рядом с хозяином кабинета.

— Ну да, точно, гараж, — Вольский оторвался от созерцания пейзажа и повернулся, чтобы посмотреть в глаза собеседнику. — А ты заметил, Егор, что мы теперь почти обо всём говорим в прошедшем времени?

Егор Ильич Баранов, работавший с Вольским больше тридцати лет и хорошо знавший этот пронизывающий до самого позвоночника взгляд, не отвел глаза.

— Не мы такие, жизнь такая, — попытался он пошутить. — Мы за ней не успеваем, настоящего почти нет — только прошлое и будущее.

— Жизнь, говоришь, такая?

Вольский прошел через весь кабинет и сел в свое кресло. Баранов, знавший правила игры, тоже отошел от окна и сел напротив.

— Стараюсь играть на опережение — раз уж за настоящим не поспеваю, то действую сразу в будущем.

Он осторожно придвинул к Вольскому бумаги, которые принес с собой. Тот пробегал глазами один за другим документы, одобрительно кивая. Егор Ильич наблюдал за ним, по многолетней привычке внимательно фиксируя реакцию на каждую бумажку. Закончив читать, Михаил Петрович достал из папки несколько фотографий и разложил их веером на столе. Баранов почти не сомневался в том, на какой из них шеф остановится. В ожидании он прикрыл глаза и сцепил на животе мясистые пальцы, словно пытался сам себя удержать в кресле.

— Интересный типаж, — Вольский держал в руках фотографию, с которой без улыбки смотрела темноволосая женщина с большими выразительными глазами. — Идеальная комбинация профессиональной силы и личной неуязвимости, такую не согнуть. То, что надо, — задумчиво протянул он, не отрывая взгляда от фотографии.

Егор Ильич открыл глаза и с трудом сдержал самодовольную улыбку, увидев чью фотографию выбрал Вольский — кто бы сомневался!

— Но с такими обычно сложно, и это риск. — Михаил Петрович перевёл тяжёлый взгляд на своего собеседника, — Наш риск, Егор, потому что в самый неподходящий момент она может сказать «нет».

— Тогда может не будем рисковать? — осторожно заметил Баранов. — У нас есть другие варианты. Контракт этой Беляевой подходит к концу. Свое дело в «Драйве» она уже сделала. Баба с возу, как говорится…

— Это мой воз, — резко оборвал его Вольский, — и я сам буду решать, кому и когда станет легче. Если станет, конечно, — на его губах мелькнула усмешка.

— Бесспорно, — поспешил согласиться Баранов, — вот только проблем с ней много — судебные иски, шумиха в прессе. Мы вполне можем найти кого-то более комфортного вместо

этой скандальной психологини. В этом списке, — он коснулся рукой папки, — проверенные люди, кто справится с задачей не хуже Беляевой.

— Не хуже? — Вольский вскинул бровь. — Я надеялся услышать, что «в разы лучше».

Он откинулся в кресле и задумался о чем-то своем. В кабинете повисла пауза. Пальцы Вольского забарабанили по столу — верный признак, что он просчитывает ходы.

Баранову страшно хотелось курить. Он достал из кармана старую зажигалку Zippo, подарок Вольского на какой-то давнишний юбилей, и начал вертеть её в руках, щелкая металлической крышкой. Серебряный бок зажигалки сверкнул надписью «своих не бросаем».

Вольский в задумчивости уставился в окно. За стеклом было не по-весеннему серо, Михаил Петрович нахмурился — то ли осуждая природу за нарушение установленного веками климатического графика, то ли потому, что не мог найти ответ на волнующий его вопрос.

— Рискнем, — наконец произнес Вольский. — Готовь контракт.

В его глазах мелькнуло что-то такое, от чего Баранову стало не по себе. Он кивнул и спрятал зажигалку в карман. Как по нему — так ничего интересного, обычная баба, не самая красивая, да ещё и с гонором. И что только шеф в ней рассмотрел?

Через час Баранов вышел из кабинета Вольского, аккуратно прикрыв за собой дубовые двери. Тяжёлым шагом он направился к лифтам, возле которых маялись неулыбчивые охранники.

В лифте он достал мобильный и набрал хорошо знакомый номер. На том конце ответили не сразу.

— Контракт подписан, — начал он без приветствия, — можно начинать… Да, именно сегодня. И мне плевать на твои планы.

***

Вероника смотрела, как в крошечную фарфоровую чашечку-наперсток наливается эспрессо. Черный, как темнота на картинах Караваджо. Вдруг вспомнилась поговорка, услышанная когда-то от хозяина небольшой кофейни в Стамбуле, где подавали вкуснейший турецкий кофе, что «кофе должен быть чёрным как ад, сильным как смерть и сладким как любовь». Она сделала глоток и зажмурилась от удовольствия. Дверь распахнулась и на кухню вошел всклокоченный Костя:

— Ты чего так рано? — он чмокнул жену в плечо по пути к холодильнику и достал бутылку апельсинового сока.

— И тебе доброе утро.

Вероника наблюдала, как муж налил ровно половину стакана — не больше и не меньше. Интересно, как ему это удается на глазок? Костя отпил маленький глоток и повернулся к Веронике.

Вероника одним глотком допила обжигающий напиток и сунула крошечную чашечку в посудомоечную машину.

— Тебе сварить кофе?

— Нет, спасибо. И тебе не советую. Кофе вообще вреден, от него портится цвет лица, — назидательно сообщил муж.

Веронике захотелось метнуться к зеркалу и проверить, не появились ли у нее синяки под глазами.

— Да, я помню, ты говорил, — она кивнула и одернула пиджак. — Мне приятно, что ты волнуешься о цвете моего лица.

— А чего такая официальная? — поинтересовался Костя, окидывая жену оценивающим взглядом с головы до ног. — Сто лет тебя такой не видел. Ты же вроде говорила, что в твоей айтишной компании так не принято.

— А у меня сегодня встреча в «Поливоль», — крикнула уже из прихожей Вероника.

Она искренне надеялась, что Костя не станет выспрашивать подробности, трудный разговор утром — не самое лучшее начало дня.

— В «Поливоль»? А зачем? Разве сделка ещё не подписана? — заинтересовался муж.

— Подписана, я тебе несколько раз говорила, ты просто не помнишь, — терпеливо пояснила Вероника. — Но возникли проблемы, и меня попросили остаться в «Поливоль» на какое-то время.

Костя поморщился:

— Ну конечно, без тебя ведь ни один конфликт не может обойтись. Ника, ты же обещала больше не ввязываться в темные истории!

— Ну почему темные? — Вероника пожала плечами. — Обычный производственный конфликт, какие часто случаются, особенно в период интеграции. Даже не конфликт, а так, недопонимание — люди говорят на разных языках и не могут обойтись без профессионала. Вот я и…

— Ник, может быть тебе напомнить, почему ты больше не ведешь частную практику и работаешь в корпорации? — Костя с грохотом поставил пустой стакан в раковину. — Что за удивительная способность искать на свою задницу неприятности?! Мне этот суд до сих пор в кошмарах снится! Только-только утихла шумиха в газетах, а соседи перестали тыкать в нас пальцем, и ты снова ввязываешься не пойми во что!

Вероника посмотрела на одинокий грязный стакан в раковине и почувствовала закипающее раздражение. Черт, ну почему он до сих пор не научился убирать грязную посуду в посудомоечную машину? Неужели это так трудно?

— Знаешь, мне тоже! — вскинулась Ника. — Мне до сих пор снятся кошмары, а когда я проверяю почтовый ящик, то все время боюсь найти там повестку в суд. Но это пройдет, просто нужно время. Поверь, это я тебе как психолог говорю, — Ника горячо уверила мужа, но Костя только презрительно скривился.

— Проходит только головная боль, — уколол он жену, — да и то, если вовремя принять таблетку. А суд и связанная с ним шумиха сами по себе пройти не могут, обязательно найдется какая-то вонючка с хорошей памятью и припомнит тебе эту историю!

— Конечно, найдется, — согласилась Вероника.

Ей очень хотелось сказать мужу, что сейчас он сам исполняет роль этой самой вонючки, но она сдержалась — вдох — выдох — задержка дыхания.

— Костя, это не повод отказываться от любимой работы и пускать псу под хвост собственную карьеру. Просто нужно время, — Ника схватила со стола стакан, сунула его в посудомойку и аккуратно закрыла крышку.

Костя даже не обратил на это внимание, и она в очередной раз промолчала — в конце концов, не разводиться же из-за грязного стакана!

— И вообще, — она улыбнулась мужу своей самой лучшей улыбкой, на которую была способна сегодняшним утром, — это все ненадолго, всего полгода!

— И что, останешься дома варить борщи? — проворчал муж. — Свежо, как говорится, предание!

— Насчет борща не уверена, но на стейк и салат сегодня вечером ты вполне можешь рассчитывать. Я захвачу Вадика после тренировки и давайте все месте поужинаем. Мы сто лет не проводили вечер семьей. Ты во сколько будешь?

Она задержалась на минуту в дверях, ожидая реакции мужа, но тот сидел, уставившись в свой телефон.

— Костя! — Вероника окликнула мужа. — Ты меня слышишь?

— А? Ты чего? — Костя смотрел на неё непонимающим взглядом.

— Я спрашиваю, ты сегодня поздно?

— Не знаю, пока не понимаю. Тут такое творится, — он неопределенно махнул рукой и снова уткнулся в телефон.

— Ладно, созвонимся, — кивнула Вероника.

Она ещё минут десять провозилась в прихожей, затейливо завязывая длинный шарф, в надежде, что муж, как раньше, выйдет проводить её. Услышав, как щелкнула дверь в ванной и полилась вода из душа, Вероника вздохнула и вышла из квартиры.

Пробираясь через высокие сугробы, откапывая машину и прогревая её, она думала о том, что им с Костей нужно поговорить. Сказать по правде, Вероника каждый день собиралась это сделать, но их графики катастрофически не совпадали — она уходит, когда Костя, как правило, ещё спит, а он приходит за полночь, когда у неё совершенно нет сил на серьезные разговоры.

Хотя, кого она обманывает? Сколько раз она убеждала своих клиентов, что избегание

— это деструктивный способ решения проблем. Нет, сегодня они точно не лягут спать, пока не поговорят — спокойно, без нервов и надрыва. Ровно так, как она всегда учила своих клиентов — не давить, не упрашивать, не помогать.

Сначала они все вместе поужинают — в кои-то веки соберутся втроем, она уже и забыла, когда в последний раз такое бывало. Непонятно, почему все изменилось?

Когда Костя вошел в их с сыном маленькую, но очень дружную семью, он очень быстро поладил с Вадиком. А какие у них тогда бывали выходные!? Они почти никогда не сидели дома, все время куда-то выбирались — то в зоопарк, то в цирк, то просто погулять по городу.

Ника невольно расплылась в улыбке, когда вспомнила, что в то время в багажнике её машины с постоянной пропиской поселились палатка, столик и стулья для пикника, походный котелок, надувной матрас, удочки, волейбольный мяч и куча других очень полезных вещёй. Интересно, где они сейчас?

Вместе с палаткой и надувным матрасом из их семьи как-то незаметно исчез праздник. Теперь Костя почти всегда чем-то недоволен и постоянно ворчит. С Вадиком они, если и общаются, то исключительно на повышенных тонах и в форме обвинений-ультиматумов. В последнее время муж стал до ночи пропадать на работе. Обстановка стала напоминать зону военных действий.

Вероника припарковалась на стоянке бизнес-центра «Скай-Тауэр». Она заглушила двигатель и перед тем, как выйти из автомобиля, закрыла глаза. Когда она уверенным шагом вошла внутрь огромного светлого атриума, залитого холодным белым светом, во взгляде не осталось и следа домашних проблем.

Главной достопримечательностью «Скай-Тауэр» была гигантская световая инсталляция под потолком — кинетическая скульптура из гладких полимерных лент, которые плавно изгибались, переливаясь холодным синим и серебристым светом. В народе эту инсталляцию называли «Волна», но она больше напоминала лёд — красивый айсберг, не имеющий ничего общего с живой водой.

— Ника, привет! — возле офисных лифтов Нику догнала Марина. — Сто лет не виделись. До того, как мы начали вместе работать, как-то удавалось чаще встречаться. Я тебя даже не сразу узнала.

Марина поцеловала воздух в миллиметре от щеки приятельницы.

— Наверное, скоро разбогатею, — Вероника обняла подругу в ответ. — Ну, что там твои прогнозы говорят, рынок пойдет вверх и нам дадут гигантскую премию?

— Ты меня с Василисой Володиной не путаешь? — расхохоталась Марина. — Я директор по маркетингу, а не астролог-футуролог! В моих руках тренды, индексы и серьезная аналитика, — она взмахнула перед Вероникой красивыми руками с ярким маникюром, словно демонстрируя, где именно располагается маркетинговый центр корпорации «Поливоль».

Подошел лифт, и Марина первой впорхнула внутрь. Вероника невольно залюбовалась легкостью её походки. Вот как, скажите на милость, это вообще законно при любой погоде выглядеть изящной феей, да ещё на таких высоченных шпильках? Она невольно покосилась на свое на отражение, сравнивая себя с приятельницей. Из зеркальной стены на неё сквозь роговые очки в ярко-синей оправе строго посмотрела темноволосая женщина. Из пучка выбилось несколько непослушных прядей, и Вероника спрятала их за ухо привычным жестом.

— Может кофейку? — предложила Марина и нажала кнопку третьего этажа, где располагалась зона фудкортов. — Здесь шикарные эклеры, за такие можно душу продать.

— Душу — пожалуйста, а вот талию нет. Да и не могу, опаздываю, — Ника посмотрела на часы. — У меня встреча с Вольским.

— С Вольским? А что за повод? — оживилась Марина.

— Понятия не имею, — Вероника пожала плечами. — У меня заканчивается контракт. Может, хочет поблагодарить на прощание?

В этот момент лифт остановился на третьем и на лице Марины отразилось искреннее сожаление:

— Ну вот, на самом интересном месте! — она снова расцеловала воздух, не касаясь щеки подруги. — Позвони мне, — крикнула она в закрывающиеся двери, — хочу первая узнать все подробности!

Вероника поднялась на двадцать пятый этаж. В пустынном холле было прохладно и так тихо, что даже звук летящей мухи прозвучал бы как рев истребителя на параде.

— Хотя откуда здесь могут быть мухи? — пробормотала Вероника, оглядываясь по сторонам. — Тут даже людей не видно.

Она решительно направилась через холл к кабинету с большой медной табличкой «М. П. Вольский. Главный акционер, председатель правления ООО „Поливоль“». В огромной приемной, не уступавшей размерами центральному холлу, её встретила ассистентка Вольского.

— Вероника Андреевна, придется подождать. У Михаила Петровича чуть затянулась предыдущая встреча. Присаживайтесь, пожалуйста, — она кивнула Веронике в сторону больших кожаных кресел. — Чай, кофе? Минеральная вода?

— Спасибо, ничего не нужно, — вежливо отказалась Вероника.

Она давным-давно вызубрила на зубок неписаные правила важных аудиенций. Во-первых, никогда не заказывай цветных напитков, которые имеют свойство проливаться в самый неподходящий момент. Во-вторых, никогда не садись в известные своей коварной мягкостью представительские кресла — утонешь и не сможешь подняться с достоинством. Вероника подошла к огромному панорамному окну и залюбовалась открывающимся видом. Интересно, о чем думают люди, которые смотрят на жизнь с высоты птичьего полета?

Глава 2

Вероника перебрала папки и остановилась на личном деле Баранова. Вольский поймал её взгляд и усмехнулся:

— Вы удивительно проницательны, Вероника Андреевна. Или хорошо осведомлены. Мы действительно договорились с Егором Ильичом, что в течение полугода он потихоньку отойдет от дел. В силу личных обстоятельств он не в состоянии так же хорошо, как раньше, выполнять свою работу, — Вольский слегка поморщился, как от зубной боли. — Об этом вовсю шушукаются в курилках, а скоро станут обсуждать в открытую. Я уже начал подыскивать ему замену, но как только об этом станет известно, со всех сторон потянутся бесконечные протеже.

Вероника не смогла сдержать удивления, и Михаил Петрович снисходительно улыбнулся её непосредственной реакции:

— Все это очень мешает, отвлекает от дела. Мне нужно время все спокойно обдумать и принять взвешенное решение. Я не готов тратить время на пустые разговоры и разруливание интриг. Поэтому мне нужен кто-то со стороны, кто не входит в эту систему, не связан с ней ни дружбой, ни враждой, и поэтому может позволить себе не участвовать в политических играх.

— А вы не считаете, — Вероника поправила очки, словно проверяя, надежно ли они закреплены на лице, — что все это немного странно? Вы полжизни строили компанию, растили людей, а сейчас, когда пришло время принять важное решение, приглашаете совершенно незнакомого человека?

— Во-первых, я за вами наблюдаю несколько месяцев, — Вольский откинулся на спинку кресла. — Поверьте, я отлично осведомлен обо всем, что происходит в моей компании, и никогда не приглашаю случайных людей. А во-вторых, вы будете работать лично со мной, так что я не вижу никаких рисков.

Вероника кивнула, хотя понятнее ей не стало. Пытаясь собраться с мыслями, она продолжила перебирать папки и вдруг замерла. С фотографии, аккуратно прикрепленной канцелярской скрепкой, на неё смотрели светло-серые, почти прозрачные глаза. Со снимка ей улыбался темноволосый мужчина с тяжелым подбородком и небольшим чуть заметным шрамом над правой бровью. Вероника хорошо знала этот маленький шрамик и даже помнила, какой он наощупь. Она сжала руку в кулак, чтобы отогнать это ощущение. Ей показалось, что сердце пропустило один удар, а потом так громко заколотилось в груди, что она испугалась, что Вольский тоже слышит его стук.

— А это Вячеслав Рублёв, наш стратегический консультант, — пояснил Михаил Петрович. — Несколько лет работает в «Поливоль» на интеграционных проектах, занимается стартапами. Хваткий парень, умный, глаз цепкий, все замечает. Я всерьез думал о нем, как о партнере для моего Матвея, но не могу понять, хватит ли ему стержня, чтобы довести дело до конца и не бросить начатое на полпути. Мой Матвей пока мальчишка — как говорится, в поле ветер. А если и партнер окажется таким же, беды не оберешься.

Ника надеялась, что на её лице не отразилось всей гаммы чувств, которые раздирали её изнутри. Она собрала папки в аккуратную стопку, подровняла, чтобы стопка получилась идеально ровной, уголок к уголку.

Все это время Вольский внимательно наблюдал за действиями Вероники и терпеливо ждал её реакции. Ника посмотрела Вольскому в глаза, и ей вдруг показалось, что он видит её насквозь.

— Почему я? Вы вполне можете нанять профессиональных экспертов, которые гораздо быстрее и качественнее справятся с этой задачей. Почему вы решили сделать это предложение именно мне?

Вольский усмехнулся:

— Ну наконец-то. Я ждал этого вопроса. Мне говорили, что вам всегда непременно нужно докопаться до истины.

— Просто я не люблю, когда меня используют втемную. Так почему я? — не отступала Вероника.

Она уже справилась с недавним волнением и выглядела вполне решительно.

Вольский поморщился:

— А я не люблю подобные формулировки — чересчур много эмоций и мало смысла. Я предпочитаю выражение «взаимовыгодное сотрудничество», это лучше отражает суть моего предложения. А насчет консультантов, конечно, вы правы. Они как стервятники кружат вокруг «Поливоль, — он осуждающе покачал головой. — Но я не хочу привлекать чужих, а вам не нужно будет объяснять простых вещей. Кроме того, в вас я уверен, потому что могу предложить вам настоящую сделку, а не только оплату ваших услуг. Помимо денег, а я готов заплатить по цене консультантов, я предлагаю свою помощь в восстановлении вашей лицензии. Вы ведь хотите вернуть свой бизнес?

Вероника оказалась не готова к такому щедрому предложению, хотя ещё сегодня утром мечтала об этом. В голове заметались мысли: «Неужели такое возможно? А что он попросит взамен?.. Костя точно не обрадуется, что я скажу ему? А как же отпуск на море, мы же хотели… А Слава? Черт, здесь работает Рублёв…. Я не могу, я точно не могу…»

— Михаил Петрович, я, — начала она было решительно, но когда подняла глаза, то с удивлением обнаружила, что Вольский уже уткнулся в бумаги и даже не смотрит на её.

Она прокашлялась, привлекая внимание, и продолжила чуть громче:

— Михаил Петрович, благодарю за доверие. Мне лестно, что вы так высоко оценили мои профессиональные качества, но, к сожалению, я вынуждена отказаться, — Вероника резко встала, и стул, на котором она сидела, с противным скрежетом отъехал назад. — Михаил Петрович, в моей практике был только один человек, который умел так виртуозно манипулировать людьми. Это мой семилетний племянник, когда ему запрещали мороженое перед обедом.

Она уперлась руками в стол, наклонившись к нему так близко, что увидела, как сузились его зрачки.

— Вы предлагаете мне сделку, от которой зависит моё будущее, и даже не потрудитесь выслушать ответ? Или вы уже так уверены, что я однозначно соглашусь? — она говорила тихо, но каждое слово било точно в цель. — Тогда позвольте разочаровать. Я играю только по своим правилам.

Вольский неохотно оторвался взгляд бумаг.

— Вы правы, Вероника Андреевна, я внимательно изучил ваше личное дело. И у меня есть убедительные аргументы, которые не дадут вам возможности отказаться.

Его голос звучал по-прежнему ровно, без эмоций, но Веронике стало не по себе.

— Громкое было дело. Как, говорите, звали вашего клиента? Если я ничего не путаю, кажется, Марк Соболев. — продолжил Вольский с отеческим сочувствием. — Надо же, такая нелепая случайность, я бы даже сказал, банальная глупость, а так чудовищно ударила по репутации и почти разрушила вашу карьеру.

В его взгляде мелькнуло что-то похожее на сочувствие. Мелькнуло и тут же исчезло.

— Но все поправимо, если рядом есть надежные друзья и союзники, — продолжил Вольский после небольшой паузы. — Я предлагаю вам свою дружбу. Полгода. Шесть месяцев, ваши рекомендации, огромная премия, и вы свободны. И поверьте, никто не посмеет даже пикнуть, когда вы вернетесь к своей частной практике.

Вероника молчала, и Михаил Петрович вздохнул, не дождавшись ее ответа.

— Без моей помощи вы не справитесь. А отказавшись от сотрудничества, вы однозначно рискуете окончательно похоронить мечты о том, чтобы когда-нибудь вернуть свой бизнес. Ну

так что, ваш ответ да или однозначно да? — в его голосе прозвучала насмешка, но лицо оставалось серьезным.

Вероника замерла. Пальцы впились в край стола так, что побелели костяшки. Ей показалось, что воздух в кабинете стал густым и тяжёлым, как сироп. Она медленно подняла взгляд и встретилась с ледяными глазами Вольского.

— Хорошо.

Это слово прозвучало тихо, но с такой чёткой артикуляцией, будто слово было вырезано из стали.

— Я согласна. Только не нужно рассказывать мне про «дружбу», от неё как-то больше попахивает рэкетом, — её голос приобрёл новое, незнакомое Вольскому измерение — холодную профессиональную отстранённость. — И пугать меня не нужно, это уже сделали до вас. Я согласна на сделку. Шесть месяцев. Но на моих условиях.

Вероника вернулась в кресло, движения её были скупыми и точными, словно она уже начала работу. От недавней растерянности не осталось даже следа, сидевшая перед Вольским женщина жестко продиктовала свои условия:

— Первое: полный доступ. Ко всем отчётам, переговорам, совещаниям. Без исключений. Второе: я работаю с вашим сыном по своему методу, вы не вмешиваетесь. Третье: мы подписываем официальный договор, где чёрным по белому прописывается ваша помощь в восстановлении лицензии. И датируется он сегодняшним числом — до того, как вы решили перейти, так сказать, — она хмыкнула, — к убедительным аргументам.

Вольский смотрел с нескрываемым интересом.

— И последнее, — Вероника чуть наклонила голову. — Я работаю на вас, но я не ваша собственность. Если вы снова попробуете шантажировать меня, — её губы тронуло подобие улыбки, — я превращу эти шесть месяцев в такое пиар-фиаско для «Поливоля», что вашему сыну достанется в наследство не империя, а горстка пепла. Договорились?

Она не стала ждать ответа, а просто кивнула, собрала со стола папки и направилась к двери. Уже взявшись за ручку, Вероника обернулась:

— А знаете, Михаил Петрович, я где-то слышала, что в хирургии есть правило: если не уверен — не бери скальпель. А вы предлагаете мне лечить без точного диагноза. Так что давайте сразу договоримся, если я увижу, что требуется ампутация — я скажу это прямо, без реверансов.

Они встретились взглядом, и впервые за время разговора Вероника почувствовала себя на равных. Вольский усмехнулся и кивнул?

— Вам приготовили кабинет, моя секретарша вас проводит.

Вероника вышла от Вольского, аккуратно прикрыв за собой дверь. Бессловесная ассистентка с причудливыми ресницами проводила её на двадцать третий этаж. Ника мысленно усмехнулась, когда поняла, что её новый кабинет устроили на этаже, где располагалась топ-команда. Что ж, старой гвардии придется потесниться!

— Проходите, все готово, — секретарша гостеприимно распахнула дверь, пропуская Веронику вперед, — А табличку завтра прикрепят.

— Табличку? — переспросила Вероника. — Какую табличку?

— Так вот же!

Катя кивнула на бронзовую табличку, которая торжественно блестела посреди её огромного стола: на ней были выгравированы имя Вероники и новая должность. Надо же, он даже не сомневался, что она согласится!

— Понятно, — Вероника сдвинула табличку в сторону и швырнула папки на стол, но потом, словно опомнившись, собрала документы и спрятала в ящик.

Для надежности она заперла их на ключ, а сам ключ спрятала в дальний кармашек своей безразмерной сумки. Она все посмотрит, но завтра. Сегодня у неё нет на это душевных сил.

И вот что ей теперь делать? Ей бы со своими домашними проблемами разобраться, а тут такая ответственность, да ещё привет из прошлого в лице Славика Рублёва. К этой встрече Вероника совершенно не готова! Черт, как могло получиться, что она согласилась на эту дурацкую аферу?! Надо же было так вляпаться!

Неожиданно в сумке запиликал мобильный, на экране высветилось «муж».

— Костик, привет, — Ника с облегчением выдохнула в трубку.

Она сама от себя не ожидала, что так обрадуется этому звонку.

— Привет, я на пару минут, — голос мужа звучал сухо и очень по-деловому.

— Как хорошо, что ты позвонил! Ты приедешь к ужину? Представляешь, меня тут неожиданно…

— Ник, я очень занят, — отрезал муж. — Потому и звоню, я хотел предупредить, что буду поздно. У нас креативный совет, тут вообще дым коромыслом. Мероприятие через неделю, мы вообще ничего не успеваем!

— Подожди, — прервала его Вероника. —Ты же обещал, мы ведь хотели…

— Ник, пожалуйста, не начинай. Давай все потом, когда я закончу проект?

— Костя, подожди, ведь мы …

— Ник, я тебя очень прошу, можно без твоих психологических драм? Представляешь, не только у тебя бывают проекты. Все, давай, дома поговорим. Пока!

Ошарашенная Вероника так и сидела с трубкой в руке, когда дверь неожиданно распахнулась и к ней заглянула Марина.

— Ну не фига себе промоушен1[1]! — Марина влетела в кабинет и сразу уставилась на табличку. — Ты, конечно, тихушница. Час назад встречалась с Вольским — а уже, гляньте, имя выгравировали! И ведь ни полслова! А сама вся такая — «ой, да я не хочу, ой, да мне это неинтересно»! Давай рассказывай. Ну, и как тебе Вольский?

Она плюхнулась в кресло напротив и только тут заметила, что Вероника сидит с телефоном в руке.

— Ник? Ты чего? Что-то не так?

— Все так, — попыталась отмахнуться Ника и натянула на лицо дежурную улыбку.

— Денег мало дали что ли? — пошутила Марина, не сводя с лица подруги внимательных глаз.

— Да причём здесь деньги! — поморщилась Ника. — Если честно, мы вообще про деньги не говорили! Меня назначили советником по интеграциям.

— Да что ты говоришь! — притворно испугалась Марина и всплеснула руками. — Ну тогда это действительно катастрофа! Я бы даже сказала — прям беда! Трагедия! Чем тебе помочь, моя дорогая? Хочешь, помогу потратить первую зарплату советника?

Вероника подняла возмущенный взгляд на Марину и, не выдержав, рассмеялась.

— Да ну тебя! — она махнула рукой, откидываясь в удобном кожаном кресле. — У меня столько проблем, и вообще, я хотела в отпуск.

— Ну, какие у тебя проблемы? — Марина схватила со стола очки Вероники, нацепила их на нос и с притворным вниманием уставилась на подругу. — Доверься мне как специалисту. Давай выясним, что же именно тебя беспокоит. Шикарный кабинет, — она обвела рукой просторный светлый офис, — прекрасная новая должность, красивый муж, чудесный сын, я ничего не упустила?

— Марин, прекрати! Мне сейчас вообще не смешно.

---

[1] От англ. Promotion - Продвижение, повышение

— Ну ладно, какие уж тут шутки! — Марина пожала плечами и вернула Нике очки. — Хотя, и, если серьезно, чего так убиваться? Помнишь, ты сама учила, ищи плюсы в моменте. Вот у меня, например, в отличие от тебя, мужа нет. И сын у тебя совсем не то, что мой оболтус, весь в своего папашку, как под копирку! Жесты, манеры, даже словечки! Вот скажи, стоило разводиться, чтобы бывший постоянно незримо присутствовал в твоей жизни? Даже не представляешь, как это бесит. Твой Вадик тоже клон своего отца?

Вероника не сразу нашлась, что ответить, но Марина и не ожидала ответа, она просто продолжила разглагольствовать:

— У меня теория, что дети копируют только тех отцов, которые посланы в наказание бывшим женам.

— В наказание, — повторила Вероника, — хорошо сказано. Мой сын похож на меня, — она тряхнула головой, отгоняя призраков из прошлого. — Ладно, Марин, ты извини, я немного занята. Сама понимаешь, новая должность.

— Все понимаю, — кивнула Марина, неохотно поднимаясь с удобного кресла. — И вообще, в офисе не поболтать. Давай как-нибудь на неделе выберемся поужинать? Кстати, — она обернулась в дверях. — а зачем ты все-таки понадобилась Вольскому? Мне казалось, что все интеграции завершены. Или я чего-то не знаю? Говорят, он планирует какие-то перестановки. Правда, что ли?

Она вопросительно посмотрела на Веронику, но та лишь неопределенно пожала плечами:

— Не знаю, он со мной ничего подобного не обсуждал. Моя задача — довести до ума «Драйв», чтобы команда не посыпалась, и бизнес работал как часы. И Марин, я тебя умоляю, не болтай, что мы знакомы. Ну или подожди хотя бы до официального анонса.

— Хорошо-хорошо, — Марина остановилась в дверях, — только знаешь, Ник, ты бы поосторожнее. Акулы… они чуют кровь по-другому.

Вероника проводила её взглядом и откинулась в кресле. Ну и что теперь прикажете делать? Её и без того сложная жизнь усложнилась теперь до вселенского масштаба.

Тишину комнаты прервал телефонный звонок, и она вздрогнула от неожиданности. Взяла в руки мобильный — темный экран. Вероника перевела взгляд на стационарный телефон, горделиво установленный на её рабочем столе.

— Не иначе как кремлевская связь, — проворчала Ника, поднимая трубку.

— Вероника Андреевна?

Ника узнала мелодичный голосок секретарши Вольского.

— Да, я вас слушаю.

— Михаил Петрович просил передать, что планирует завтра представить вас топ-команде. Совещание ровно в десять.

— Да, конечно, — Вероника кивнула и положила трубку.

Значит завтра и никаких шансов отложить или перенести. Она вспомнила узкое с резкими скулами лицо Славы Рублёва, его светло-серые глаза, которые, когда он злится, становятся почти прозрачными. Очень скоро ей придется снова в них заглянуть. Она должна быть к этому готова. Но сначала нужно как-то объяснить семье, почему они отменяют отпуск.